ТАТЬЯНА УСТИНОВА
ПАВЕЛ АСТАХОВ

КРАСОТКА

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

Дела судебные

Татьяна Устинова

Красотка

«Эксмо»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Красотка / Т. В. Устинова — «Эксмо», 2019 — (Дела судебные)

ISBN 978-5-04-101977-8

Новый роман из цикла «Дела судебные» от одного из самых известных творческих дуэтов — Татьяны Устиновой и Павла Астахова — рассказывает о красоте и молодости. Стоит ли прибегать к помощи пластической хирургии или каждый уникален именно своей изюминкой, теми самыми морщинками в уголках глаз, огромными щечками, неклассической формой носа — всем тем, что делает человека одним на миллион? Стоит ли удерживать молодость любой ценой или можно стареть красиво? Судья Елена Кузнецова сталкивается с этими вопросами на процессе Элеоноры Сушкиной, которую, как она сама заявляет, изуродовали в известной клинике пластической хирургии. Но так ли все было на самом деле?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101977-8

© Устинова Т. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 24
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Татьяна Устинова, Павел Астахов
Красотка

Глава первая

Рыба была раздувшаяся и бугристая. Похожая на изъеденную коррозией глубинную бомбу. Даже во сне я сильно встревожилась: а ну как сейчас рванет?

Но рыба вела себя беспокойно. Плавники у нее так и ходили, и шевелились губы, похожие на шлепанцы из алой резины. У моей Сашки точно такие же… Не губы, конечно, а шлепанцы!

Я решила, что есть серьезный повод проснуться. Вдруг это красный сигнал подсознания о том, что у дочки проблемы? Тогда негоже матери-кукушке спать, как сурок. Пусть даже мать-сурок, тьфу, кукушка, легла лишь под утро, засидевшись над материалами очередного дела.

Прояснить ситуацию с губами-шлепанцами на месте, во сне, не представлялось возможным: рыба артикулировала энергично, но беззвучно. А допрашивать в качестве свидетеля подсознание и пробовать не стоило. Я – судья, а не психоаналитик.

Усилием воли вынырнула из глубокого сна, и тут же включился звук. Кто-то или что-то протяжно выло.

Я с трудом разлепила веки – и к звуку прибавилась картинка.

Ой, мама, что это?!

Надо мной кривилась и всхлипывала опухшая и перекошенная физиономия с губами, точно в стиле Сашкиной пляжной обуви. Рыба, да и только. Глаз за припухлостями и синяками не было видно. Однако они, очевидно, имелись, потому что мое пробуждение не осталось незамеченным. Физиономия перестала неинформативно всхлипывать и относительно внятно провыла:

– Ле-е-енка! Памахиии!

Я еще успела подумать, что плаксивому чудищу очень не повезло. К такой-то наружности да и дефекты речи! А потом в мозгу у меня строго стукнул молоточек, и все встало на свои места.

Первое, меня назвали по имени.

Второе, слезно просили помочь.

Третье, голос был женский и очень хорошо знакомый.

– Натка?!

Я, по-моему, даже подпрыгнула, одеяло свалилось на пол, я пошарила рукой и потянула его на себя, не отводя глаз от чудища. Но тут же малодушно зажмурилась и даже немного отползла назад.

Заметив мой непроизвольный маневр, сестрица взвыла громче и горше:

– Я такая стра-а-ашная, да-а-а?

– Смотря с кем сравнивать, – пробормотала я с неуместной в данной ситуации честностью.

Но тут же опомнилась:

– Что случилось, Нат?! Что это с тобой?! Тебя били?! Кто, когда?! Полиция побои зафиксировала? Ты на чем приехала? Давай срочно в травм-пункт, я с тобой…

– Ы-ы-ы! – прорыдала сестрица и рухнула в постель рядом со мной.

Постепенно кое-что прояснилось.

Спрятав в подушку то место, где раньше у нее было лицо, Натка рыдающим голосом изложила свою историю. Она была банальна и трагична одновременно.

Моя сестрица – дама приятная во всех отношениях, по этой причине так называемая «личная жизнь» у нее на редкость бурная. Иногда я ей завидую – сколько сил у человека, а энтузиазма еще больше!.. Кавалеров она меняет как перчатки: одни стянула, голыми руками цепко схватила другие, надела – и пошла красоваться, походя поглядывая, не попадется ли ей пара еще получше. Обычно этот процесс имеет характер конвейерно-поточного, но в нем случаются и технологические паузы. Очередной простой между романами слегка затянулся, и Натка решила использовать время с умом. Взяла на работе отпуск, сослала сына Сеньку в деревню и отправилась в разрекламированную клинику – добавлять себе красоты.

– Ну, контур лица подправить, носогубки убрать, веки подтянуть – сама понимаешь, в моем возрасте уже пора, – объяснила свои мотивы сестрица.

– В самом деле? – озабоченно пробормотала я, непроизвольно взглянув в зеркало.

В зеркале ничего хорошего не показывали – моя собственная комната, разгромленная кровать, тоже собственная, и моя же личная физиономия, по утреннему времени довольно помятая, прямо скажем.

Натка – моя младшая сестра. Если ей уже пора, то мне и подавно, так?

Я пожала плечами и помотала головой. И мое отражение в зеркале тоже пожало и помотало – мол, нет, не пора, ты что, ты еще молодая! И потом, откуда у нас время и деньги на такие забавы?

– И ты сделала пластическую операцию. – Я подвела итог и профессионально не затруднилась вынести безжалостный вердикт:

– Натка, ты дура! Куда ты пошла, где тебя резали? И кто? Ученик мясника?

– Мам, ты че? – В комнату заглянула Сашка. – Щас все улучшаются, повально! Ты бы вон «Инстаграм» открыла! Любая бьюти-блоггерша тебе популярно все объяснит.

Защитник явился, ага. В руке у «адвоката» был большой прозрачный стакан с неаппетитным месивом бурого цвета. На лице – мозаика слабого сочувствия и острого любопытства.

– Чтоб ты знала, это страшно известная клиника! – вынырнула из подушки обиженная Натка. – «Идеаль Бьюти» называется. Ее сейчас на каждом шагу рекламируют, я видела кучу роликов и целую телевизионную передачу с участием, между прочим, звезд эстрады и кино!

– Она еще верит в рекламу по телику! В ее-то возрасте! – Сашка закатила глаза, да так и ушла в кухню. А там сослепу смачно врезалась в табуретку и выругалась от души.

– Александра, будешь мыть рот с мылом! – Я повысила голос.

Надо бы наказать, но я только тяжело вздохнула.

Четырнадцатилетняя дочь – это карбонарий в мини-юбке. Мать для нее давно не авторитет, а теперь вот и любимая тетя себя дискредитировала.

– Портишь мне всю педагогику, – попеняла я Натке и осторожно погладила ее по голове – мало ли, может, она волосы тоже… улучшила. – Ладно… Так чего теперь делать-то? Это вообще поправимо?

– Это? – сестрица обвела в воздухе новый контур своего лица.

Ох, елки-палки!..

Раньше Наткино лицо было овальным, вполне симпатичным, теперь получилась не описанная в геометрии фигура, вроде кривого мыльного пузыря.

– Это должно быть поправимо, – с нажимом выговорила Натка. – Надо только найти действительно хорошую клинику. И еще деньги на новую операцию.

– А нельзя ли с учетом полученного результата, который вряд ли соответствует запланированному, вернуть ту сумму, которую ты заплатила этим резчикам-закройщикам в «Идеаль-как-то-там»? – спросила я.

– «Идеаль Бьюти». Можно просто клиника «Бьюти», они там между собой ее так и называют, чтобы отстраниться от конкурента с похожим названием. – Натка слезла с кровати, зато-

пала по полу в поисках тапок. – Мне срочно нужен кофе с коньяком. Или просто коньяк, без кофе.

– А мне нужно, чтобы ты не оказывала дурного влияния на моего ребенка! – зашипела я. – А моя дочь, между прочим, твоя племянница! Какой коньяк в семь утра?! Кстати, а почему ты к нам в такую рань?

– Ехала по темноте, чтобы народ не пугать.

– Могла просто позвонить, я бы сама к тебе приехала.

– Ты что? – Натка возмутилась. – Я не могла в таком виде оставаться дома! Вдруг заглянет кто-то из друзей-знакомых, проверка какая-нибудь из ЖЭКа явится или соседка припрется, она вечно зарядник свой теряет! Нельзя, чтобы люди видели меня такой!

– А мы, значит, не люди! – издалека ехидно заметила Сашка.

– Спокойно. – Я зашла в кухню и укоризненно взглянула на дочь.

Заодно посмотрела, чем она завтракает. Той самой подозрительной коричневой бурдой и еще чем-то белым из баночки.

А ведь буквально на прошлой неделе моя девочка с удовольствием уплетала сладкую овсянку на молоке с вареньем, изюмом и молотыми орехами! У нас даже своя семейная шутка по этому поводу была.

Я голосом английского дворецкого чопорно спрашивала: «Овсянки, сэр?» – а Сашка отвечала, как Джеймс Бонд: «Смешать, но не взбалтывать!»

Но теперь сплошной «Брекзит»! Мамины добрые советы и рецепты у дочери не в чести, зато пубертатная дива Анфиса Гривцова, первая красавица восьмого «Б», стала признанным авторитетом и гуру во всем, включая вопросы питания. И ладно бы дочь просто изменила свое меню. Так нет же! Она устроила из этого очередную революцию с демонстрациями протеста и программными заявлениями. Только нынче ночью, заглянув в холодильник в поисках чего-нибудь, способного успокоить и подпитать мой утомленный, возмущенный и закипающий разум, я нашла на полке манифест.

«А кто сожрет смузи из сельдерея со шпинатом, сам побежит ночью в круглосуточный магазин на проспекте! Спорт-френдли!» – явно адресуясь старушке-матери, написала моя непочтительная дочь.

А, так это в баночке – сельдереево-шпинатный смузи. Ладно, не худший вариант.

– То есть ты пока не собираешься к себе возвращаться? – я обернулась к Натке.

– Да, поживу у вас немножко. Не прогоните? – сестрица попыталась состроить жалобную мордочку.

Получилось просто жутко. Будь среди нас чудовище Франкенштейн – бросилось бы к Натке с распростертыми объятиями и радостным криком: «Узнаю брата Колю!» – как в бессмертном романе классиков советской сатиры. Там братьев зовут как-то иначе, но суть… именно такая… Суть в том, что моя сестра собирается со мной жить!

– Конечно, поживи, сколько нужно, – слегка поежившись, ответила я. – Можешь спать в моей комнате, кровать большая, мы обе поместимся.

– Ой, совсем как в детстве! – растрогалась сестрица. – Тогда я распакую чемодан!

И, всхлипывая, поволоклась в прихожую. Мне показалось, что в кухне стало немного темнее – переливы Наткиных синяков, рубцов и фингалов на самом деле отражали свет.

– Мам, ты уверена? – взрослая мудрая дочь скептически посмотрела на неразумную родительницу. – Представь, проснешься ты среди ночи – а на соседней подушке вот такое!

– Я буду на ночь косметическую маску надевать! – пообещала чуткая Натка из прихожей. – Тканевую, с пропиткой из целебных масел и трав.

– Маска, маска, я вас знаю, – фыркнула Сашка и залпом допила свою бурду. – Все, пока, я побежала!

Дочь умчалась в школу.

Оставшись на кухне в одиночестве, я быстро проинспектировала холодильник. Как обычно, там было просторно, если не сказать прямо – пусто. А ведь теперь нас трое, причем Сашка и Натка захотят пообедать. Я тоже захочу, но меня спасет служебная столовая, а вот девчонкам надо бы что-то оставить… Хотя бы руководящие указания.

– Натка! – позвала я. – В морозилке есть овощная смесь и полкурицы, можешь сварить суп.

– Это вопрос, совет или распоряжение?

Приободрившаяся сестрица выглянула в коридор из нашей отныне общей спальни, и я фыркнула, как недавно Сашка:

– Маска, маска, я вас знаю!

Натка уже надела маску. Не косметическую, которая была запланирована на ночь, а обыкновенную медицинскую. Губы-шлепанцы она милосердно скрыла – и на том спасибо.

– Это настоятельная рекомендация, – ответила я в продолжение разговора о супе. – И еще неплохо было бы кому-нибудь сходить за хлебом, молоком и йогуртом, потому что я могу вернуться поздно, когда магазинчик в соседнем доме уже закроется.

– Не переживай, мы что-нибудь придумаем, не маленькие, – отмахнулась сестрица. – Ты лучше поразмысли, чего теперь нам делать-то. Ты же – судья! Ты кого хочешь засудишь, а их, сволочей этих, нужно судить самым страшным судом! Тебе нужно их засудить на фиг, лучше пожизненно!

– Спохватилась, – буркнула я.

В ванную мне нужно, и на работу, а не выслушивать всякие глупости о том, кого и как я должна судить.

Вы мне еще про «не суди, да не судим…» расскажите!

Я остервенело чистила зубы и прикидывала план дальнейших действий – понятно, что Наткину проблему придется как-то решать, и это досталось именно мне.

Я наспех намазала лицо кремом, распахнула дверь и крикнула в сторону комнаты:

– На-ат! Тебя в этой клинике оперировали официально? С договором, с оплатой по прайсу?

– Конечно! Я же не полная идиотка!

Я удержалась и смолчала.

Перешла к самому главному. Спросила по существу:

– Твой экземпляр договора у тебя? Дай сюда, я изучу этот исторический документ.

Натка шустро метнулась в прихожую, сняла с вешалки свою сумку, извлекла из нее тонкий пластиковый файлик с бумагами. Вручила его мне со льстивыми словами:

– Хорошо, когда сестра – юрист!

– Хорошо, когда сестра-юрист подключается вовремя, – поправила я. – На стадии строительства наполеоновских планов, а не после Ватерлоо!

– Какого еще… Ватерлоо? – опешила Натка.

– А никакого, – пробормотала я.

И затолкала сестрицыны бумаги в сумку вместе со своими.

У меня разной ценной макулатуры полным-полно. Что ни дело, то пухлый том. Те, кто говорит, что прошли времена, когда Россия была самой читающей страной в мире, упускают из виду работников отечественной судебной системы. Наш судья – самый читающий судья на планете и в ближнем космосе!

Помню, когда я только приступила к работе в Таганском суде, в наследство от предшественника мне досталось два десятка дел. Каждое – минимум в трех томах! С тех пор я обеспечена чтивом, которое никогда не заканчивается.

Я читаю и на работе, и дома. Специально сменила солидный кожаный портфель на невесомую компьютерную сумку из плащовой ткани, чтобы руки не отрывались от тяжести бумажного груза.

«Страшные сказки на ночь» – так называет это судейское чтиво моя милая язва, родная дочь.

Зато мне не нужны никакие курсы скорочтения, соответствующий навык я приобрела самостоятельно. И совершенно бесплатно, что очень важно, ведь по части размера вознаграждения за свой труд российский судья тоже один из самых-самых…

Сашка недавно выкопала в Интернете информацию о величине средней заработной платы вершителей правосудия в разных странах. Так Россия в нем на сорок первом месте! Из сорока восьми. А лидер – Шотландия.

Эмигрировать, что ли? Роберт Бернс, вересковые пустоши, флаги на башнях, всякое такое… И судят там, наверняка, в старинных замках! Идешь себе по изумрудной траве в мантии, парике и бонете, а под мышкой алый бархатный бювар, и вокруг кусты роз, и сеет мелкий дождь из низких облаков, которые цепляются за шотландские горы, красота!

Увы, у меня был не алый бархатный бювар, а объемистая увесистая сумка, с которой я чувствовала себя почтальоном Печкиным. Это кто стучит ко мне, с толстой сумкой на ремне? Это он, это он… Печкин, старый почтальон. Без пяти минут пенсионер с искривленным позвоночником и плечами одно другого выше. Вот это и есть настоящая профессиональная деформация. Мне-то до пенсии еще далеко, но перекошенные плечи с таким спортивным снарядом, как неподъемная сума с макулатурой, я себе, пожалуй, уже организовала, как и боль в спине.

Поясница у меня ноет регулярно и сильно. Кто знает, что это такое, тот поймет…

Настроение, и без того небезоблачное, стремительно портилось.

Уже выйдя из дома, я вспомнила о том, что до сих пор мое подсознание милосердно прятало в своих глубинах: сегодня мне придется добираться на работу на общественном транспорте.

Ой-ой, а я ведь думала вечером заехать в клинику, где изуродовали Натку, и провентилировать там вопрос возврата денег. А теперь, значит, придется отказаться от этого благого намерения. Или ехать через весь город на метро, а потом еще на маршрутке.

Все-таки нас, людей, природа устроила лучше, чем мы – наши собственные творения, я имею в виду машины и механизмы. Возьмем, к примеру, для сравнения меня и мою любимую «Хонду». Доктор, к которому я обращалась по поводу начинающегося гастрита, настаивает, чтобы я ела тушеную телятину, отварную форель и котлетки из индюшатины, запивая их козьим молоком или киселем из протертой малины. А я закидываюсь магазинными пельменями, если, конечно, случится такое счастье, и они найдутся в холодильнике. Или варю супчик из замороженных овощей на бульоне на букву «К». Не из курицы – из кубиков. Курица – это роскошь.

…Интересно, сварит Натка супец или нет?..

А вот моя «Хонда». Ей в идеале нужен хороший дорогой бензин. На плохом дешевом она соглашается ездить недолго и очень скоро оказывается на больничном в автосервисе. Если же денег у меня в кошельке хватает только на пельмени, машинке приходится и вовсе давать выходной. На бульоне из кубиков она работать не умеет, а жаль…

За этой прискорбной философией я и скоротала дорогу до работы. Очнулась только когда услышала:

– О чем задумалась, Елена Прекрасная?

Ого, как я углубилась в размышления! Целого председателя суда в коридоре не заметила! А он вот и поприветствовал меня, и даже подмигнул…

Небывалый случай! Обычно Плевакин со мной чинно здоровается. Мне бы насторожиться, но я не почувствовала ничего недоброго. Как видно, подсознание с интуицией полностью выложились на вещий сон о губастой рыбе.

– Доброе утро, просто настраиваюсь на работу, – уклончиво ответила я, слепо тыча ключом в дверь своего кабинета.

Собственная пухлая сумка с бумагами загораживала мне вид на замочную скважину. К счастью, оказалось, что дверь уже открыта – мой помощник Дима, он же Гарри Поттер, вновь чудесным образом прибыл на работу заблаговременно. И как это у него получается? На метле он летает, что ли? Я вот вечно опаздываю.

– Не торопись, Елена Владимировна, – из коридора остановил меня Плевакин. – Задержись на пару слов.

– «Вы уволены»? – предположила я и на миг даже возрадовалась открывшейся перспективе.

Никаких больше пухлых томов, статей, показаний, определений, выдержек, постановлений и мер наказания.

Никаких бессонных ночей и красных от перенапряжения глаз.

Никаких бубнящих адвокатов, галдящей публики, врущих свидетелей, вздыхающих обвиняемых и их истерящих родственников.

Буду сидеть в тишине уютной квартиры, спать до полудня и варить полезные овощные супы… Хотя нет, не из чего мне будет их варить без скромной судейской зарплаты.

– Я тебе дельце отписал, посмотришь там, – шеф кивнул на дверной проем, в котором уже нарисовался, как всегда, безукоризненно одетый и причесанный Дима в поттеровских круглых очочках. – Очень любопытное дельце, как специально для тебя. Ты же у нас… как бы это… главная красавица и специалист по этим… так сказать… вопросам.

– Да? – я удивилась, но председатель не уловил моей тонкой иронии, принял сказанное за согласие и с чистой совестью удалился.

– Гадость, небось, какая-нибудь, раз Плевакин меня лично предупредил? – войдя в кабинет и закрыв за собой дверь, спросила я помощника.

Он тонко улыбнулся.

– Значит, гадость, – уверенно сказала я и прошла к себе. – Давай, тащи уже это «любопытное дельце», посмотрю, что за счастье мне привалило на этот раз. Главная красавица, как же! С чего бы?

Хм, хм, а ведь было с чего!

Памятливый шеф, в отличие от меня, не забыл, что год назад я рассматривала дело с участием клиники пластической хирургии «Эстет Идеаль». Нет, я помнила собственно дело, просто название клиники запамятовала, иначе уже сообщила бы его Натке. Специалисты «Эстет Идеаль» произвели на меня самое приятное впечатление. Особенно самый главный спец, он же директор клиники – профессор Васильев.

Что ж, спасибо шефу за своевременное напоминание.

Я позвонила Натке и авторитетно сказала:

– Клиника «Эстет Идеаль» – вот куда тебе нужно.

– Была я уже в одном «Идеале», – засомневалась сестра.

– Это был неправильный «Идеаль». А этот – правильный, гарантирую.

– Идеальный? – хихикнула Натка.

Похоже было, что ее настроение немного улучшилось. Надежды – они не только юношей питают.

– Дим, сделай мне кофе! – в тему питания прокричала я в приемную и через полминуты услышала деловитое ворчание кофемашины.

Жизнь налаживалась.

У Нади было простое и понятное видение мира: он делился на медицину – и что-то другое. При этом медицина была важнее и значительнее, чем все остальное, так что о выборе профессии Надюша не задумывалась и в тридцать девятом году поступила в медицинский институт в Краснодаре, где жила ее тетя.

Училась она на отлично, но закончить вуз не смогла. В сорок первом институт эвакуировали, и Надежда с тетей тоже уехала с Кубани, а когда вернулась после войны, встретила Андрюшу.

Андрей воевал. В сорок третьем получил тяжелое осколочное ранение и год провел в госпиталях, где проникся глубочайшим уважением к медикам, вернувшим его к жизни.

Восстанавливался он тяжело, домой пришел неузнаваемым: сорок шесть кило веса при росте сто восемьдесят сантиметров, руки-ноги перебиты… Качаясь на костылях, Андрей брел по знакомому двору, и мама, увидевшая его с крыльца, не признала родного сына, запричитала: «Ой, где-то и мой бедный мальчик так скитается!»

В сорок шестом Андрюша и Наденька поженились. Свадьбу играли во дворе, позвав всех соседей. Андрей добыл кусок мяса, наварили борща, он и стал главным свадебным блюдом. В те времена наваристый кубанский борщ, да с мясом – это была настоящая роскошь.

Жили после войны бедно. Надя по-прежнему мечтала о медицине, но родилась дочь, и стало вовсе не до учебы.

Дом, работа…

Мечта так и осталась мечтой.

Мишаню Надя родила в пятидесятом. Аккурат в середине прошлого века!

Много всего тогда случилось.

В том же пятидесятом восстановили смертную казнь для «шпионов, изменников и диверсантов». Заключили Договор о дружбе с Китайской Народной Республикой. Начались компания по укрупнению колхозов, война в Корее и судебный процесс по сфабрикованному «Ленинградскому делу».

В пятьдесят втором открылся Волго-Донской судостроительный канал имени Ленина и прошел XIX съезд, на котором ВКП(б) переименовали в КПСС.

В пятьдесят третьем умер Сталин, сообщили об испытании водородной бомбы, заключили перемирие в Корее и избрали Первым секретарем ЦК Хрущева.

В пятьдесят четвертом передали Украине Крым, ввели в действие первую атомную электростанцию, и на Пленуме ЦК КПСС принято решение по освоению целины.

В пятьдесят пятом создали Организацию Варшавского Договора и отправили в Антарктику первую советскую экспедицию.

В пятьдесят шестом разоблачили культ личности, сократили армию, повысили пенсии и поставили на регулярные рейсы реактивный пассажирский Ту-104…

Большая страна жила бурно.

А Мишаня просто рос.

Ему запомнилось это время, как самое прекрасное, потому что это было детство.

Да много ли надо для счастья мальчишке?

Есть дружная семья – папа, мама, две сестры. Солнце светит, небо ясное, в перенаселенном дворе-стохатке на улице Седина не бывает ни тихо, ни скучно. Парусят на веревках штаны и простыни, в пыли под ногами желтеют кляксы падалицы с алычи, и процесс добычи воды из водоразборной колонки полон героического романтизма. Потянуться, ухватить горячую железную ручку, повиснуть, кряхтя лечь на нее пузом, и тогда под скрип рычага в недрах скважины гулко охнет, забурчит и вывалится из крана тугим стеклянным столбиком ледяная вода… Хорошо в Краснодаре!

А в Саратове еще лучше. В Саратове у мамы есть старшая сестра, которая – удивительное дело! – и по должности старшая сестра в тубдиспансере, медицинская, так это называется. А какое здесь замечательное место!

Маленький Мишаня там дневал и ночевал. Тубдиспансер, конечно, не самая подходящая площадка для игр ребенка, но девать пацаненка было некуда. А в медучреждении ему, как близкой родне большого начальства – целой старшей медсестры, – обеспечивали замечательную развлекательную программу. Процедуры, раздача лекарств, уколы… Было очень интересно!

Тогда-то и потянуло Мишку к медицине.

Хотя – нет, в мальчишке она была заложена. Силой маминого желания, которая по-прежнему всех вокруг делила на врачей и остальных, и первые были больше, чем люди, чуть ли не боги. Детям своим Надя желала только самого лучшего, в мечтах своих видела их исключительно в белых халатах. И Мишаня, разумеется, закончил медицинский.

Он был лучшим студентом на курсе, будущим хирургом – непременно хирургом, это даже не обсуждалось! А еще пятикурсник Михаил был счастливым женихом. Ему для полного счастья только денег на свадьбу не хватало. Ведь какие заработки у студента-практиканта?

Восьмидесятый год, районная больница в кубанской станице. Главврач собрал молодых специалистов и сказал: «Ребята, у меня остался один стоматолог, Марья Павловна, прекрасный врач круглых шестидесяти лет. Опыт у нашей Марьи Павловны могучий, а вот зрение и руки уже слабые, так что людям, извините, зубы драть некому. Кто хочет заработать? Зарплату дам хорошую – сто рублей». И Мишка сразу поднял руку: «Я хочу!»

Так и пошло: хирургическая стоматология, потом челюстно-лицевая хирургия, операции по устранению последствий травм, эстетическая хирургия лица и шеи… Мишаня вырос в большого специалиста – практикующего доктора медицинских наук, профессора, завкафедрой медицинского университета, «Заслуженного врача РФ», «Отличника здравоохранения» и лауреата разных профессиональных премий. И даже занимая видные посты – он много лет был главным врачом областной клинической больницы, а еще и подепутатствовать успел, – Михаил Андреевич Васильев не прекращал оперировать.

Попасть к нему больные считали за счастье. «Хирург от бога» – говорили про Васильева. А он твердо знал – не от бога, от мамы.

Операции Михаил Андреевич делал уникальные. Реконструировал лица, казалось бы, непоправимо поврежденные при авариях и катастрофах. Складывал, как мозаику, лепил заново. Перенял опыт француза Девошеля, который сделал первую в мире трансплантацию лица. А когда по возрасту вышел на пенсию и оставил и руководящую должность в областной больнице, и практику там же, нашел инвестора и открыл свою собственную клинику. Модную, современную, но с традиционно серьезным научным подходом даже к самым пустяковым проблемам, вроде недостаточно пухлых губ или воображаемых морщинок.

Клиника «Эстет Идеаль» очень быстро заслужила добрую славу, от пациентов не было отбоя. Конечно, большую их часть составляли дамочки, желающие подправить тот или иной, как им казалось, дефект внешности.

«Попса» – так профессор Васильев называл в кулуарах неизменно востребованные операции, вроде подтяжки бровей, увеличения груди, пересадки волос и тому подобные. Это не мешало ему относиться и к такого рода вмешательствам со всей ответственностью: операция – это всегда операция. Дело серьезное. Хиханьки-хаханьки тут неуместны. Пусть пациент порадуется позже, глядя в зеркало. Доктору же и вовсе веселье ни к чему, ему достаточно профессиональной гордости и душевного спокойствия.

Однако не все пациентки оставались довольны результатами проведенных им операций. За человеческой фантазией никакому скальпелю не поспеть. Бывает, придумает себе гражда-

ночка новое лицо, а доктор не попадет в мечту-идею пациентки и вылепит не совсем такое. Ну, доктор – он же не волшебник, не с каждой красотой может справиться. А это разочарование, обида! Претензии. Иногда даже скандалы.

Гражданка Сушкина Элеонора Константиновна в грезах видела себя вечно юной красоткой с гладким фарфоровым личиком, точеным носиком, большими сияющими глазами и яркими губами выразительной формы «лук Купидона». В восемнадцать лет она такой и была. Но от восемнадцати до пятидесяти восьми, увы, дистанция огромного размера…

«Эстет Идеаль» была не первой и даже не десятой по счету клиникой, куда Элеонора Константиновна обращалась, чтобы вернуть себе былую красу. Раз за разом результат ее устраивал все меньше. Хирурги работали добросовестно, но волшебной палочкой не обладали. При этом были честны и заранее рассказывали пациентке о том, в чем заключается предстоящая операция, каким будет послеоперационный период и на какие результаты можно рассчитывать, а чего не удастся достичь никогда.

Элеонора Константиновна упорно пропускала реалистичные прогнозы мимо ушей. Она жаждала сказочных метаморфоз, поворота времени вспять, неуходящей молодости.

– Скальпель, милочка, это не средство Макропулоса, – сказал ей профессор Васильев. – Но я обещаю, что после операции вы будете выглядеть на пятнадцать лет моложе.

Элеонора Константинова предпочла засчитать каждый обещанный год за два с половиной. Это была ее личная арифметика, ее собственные завышенные мечты и фантазии. И абсолютно логичное, ожидавшее ее, глубокое разочарование в итоге.

Результат операции, проведенной докторами «Эстат Идеаль», в полной мере соответствовал прогнозам специалистов. Однако Элеонору Константиновну он огорчил так сильно, что она подала на клинику в суд. Тот, впрочем, решил дело в пользу профессора Васильева с коллегами.

Оскорбленная в лучших чувствах Элеонора Константиновна решила, что она этого так не оставит…

И снова я засиделась на работе.

Было уже 18:30, когда я дочитала документы и с треском захлопнула папку. Корешок у нее был шириной в ладонь, а обложка из картона фанерной плотности. Папочку этому «любопытному “Дельцу”» явно выдали на вырост – с учетом несомненного потенциала его бурного развития.

Я посмотрела на часы, потом в окно, затем в зеркальце пудренницы, извлеченной из сумки.

Циферблат укоризненно говорил что-то вроде: «Иди домой, иди домой».

Окно открывало дивный вид играющей отливом крыши на фоне заката.

Зеркальце фрагментарно показало тени под глазами, морщинку на переносице и недовольно искривленные губы.

– М-да, та еще красавица, – вздохнула я.

И, разумеется, вспомнила, что собиралась после работы съездить в клинику «Бьюти». А соответствующего желания у меня уже не было. Сейчас мне хотелось каким-нибудь чудесным образом перенестись домой, съесть чего-нибудь горячего и растянуться на диване.

Что делать?

Ответ, как это иногда бывает, пришел ко мне сам.

Сегодня он имел цветущий вид молодого здорового мужчины атлетического телосложения и звался лейтенантом Константином Сергеевичем Таганцевым.

– Тук-тук, кто там, это я, лейтенант Таганцев! – сам спросил и сам же ответил Константин Сергеевич, внедряясь в мой кабинет в привычном ему стиле средневекового барона, непринужденно штурмующего соседский замок.

Грохнула и жалобно застонала дверь, вздрогнули стены, мучительно скрипнул дощатый пол.

– А я мимо иду, вижу – окошко светится, думаю, дай загляну на огонек! – лирично поведал мне нежданный посетитель, опускаясь на стул.

Тот пискнул и словно немного присел.

– Это тебе, Елена Владимировна, – на мой стол легла слегка помятая шоколадка «Аленка». – Съешь тезку, жизнь станет слаще!

Шутка явно была из числа домашних заготовок, да и шоколадку, судя по ее кондиции, гость носил в кармане не один час. Загодя, стало быть, собирался ко мне с визитом вежливости.

Я растрогалась. Давно мне не дарили шоколадок! А Аленкой уже и не помню, когда называли.

– Спасибо, Костя, это очень кстати, – поблагодарила я, начиная лелеять коварные планы. – Мне как раз нужна помощь умного мужчины.

Таганцев с готовностью приосанился.

– Во-первых, ты умеешь управлять кофеваркой?

Таганцев сделал лицо, на котором ясно читалось, что он умеет управлять любыми полезными агрегатами в диапазоне от электробритвы до космического корабля.

– Диму я уже отпустила, а без него не могу сварить кофе, – пожаловалась я, для пущей убедительности образа милой беспомощной дурочки похлопав ресницами.

Хотя это чистая правда, я действительно не умею пользоваться нашей кофемашиной. Не потому, что она очень сложная, наоборот, это самая дешевая модель, дорогую мне не дали бы, наш Плевакин очень рачительно расходует бюджетные деньги. Вроде все элементарно просто: в одну емкость засыпаешь молотый кофе, в другую – заливаешь воду, нажимаешь кнопочку и ждешь, пока из правой дырочки потечет готовый напиток, а из левой выйдет пар.

Вот последнего-то я и боюсь! Выпуская дым столбом, наша кофемашина ревет и свистит, как настоящий паровоз. Присутствуй при этом братья Люмьер, запросто сняли бы свое знаменитое «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» без пышащего ноздрями локомотива.

– Да какой вопрос, Елена Владимировна! Таганцев с готовностью подскочил со стула.

Тот скрипнул с отчетливым облегчением и быстро присобрал разъехавшиеся было ножки.

– Сейчас будет тебе хоть кофе, хоть чай с какавой!

Это тоже была заготовка, вернее, слегка искаженная цитата из «Бриллиантовой руки». Я улыбнулась, поощряя умного мужчину продолжать блистать остроумием и интеллектом.

Кофеварку он, надо признать, покорил с легкостью.

Через пять минут мы уже снова сидели и пили кофе, заедая мятой шоколадкой. Я слушала рассказ лейтенанта о его суровых буднях, мило улыбалась и думала: вспомнит ли Константин Сергеевич, что я начала просьбу о помощи с «во-первых»? И сообразит ли, что у меня есть как минимум «во-вторых»?

Вообще-то можно было и не миндальничать. Константин Сергеевич – золотой человек и давно уже стал для меня и.о. доброй феи с волшебной палочкой-выручалочкой. Но это же не значит, что я могу встать и объявить: «Гражданин Таганцев, вы приговариваетесь к общественно полезным работам по извозу. Мне нужно съездить за семь верст киселя хлебать, заводите мотор!»

Пусть лучше Константин Сергеевич сам догадается, так нам обоим будет приятнее.

– А вчера один гражданин, Кривоносенко его фамилия, не поверишь, денег наелся! – оживленно повествовал Таганцев, деликатно загружая в рот кусок «Аленки».

– Их у него куры не клевали? Девать было некуда? – спросила я, поддерживая светскую беседу.

Я уже решила, что попрошу доброго лейтенанта о второй услуге, и теперь выдерживала приличную дистанцию между запросами.

– Угадала! – Константин Сергеевич кивнул. – Он, Кривоносенко этот, решил ограбить супермаркет «Мир детства». Остался в зале до закрытия магазина, спрятался в большой коробке от электрического автомобиля, дождался, пока все уйдут, и вскрыл кассу. На его счастье, там было всего пятнадцать тысяч тремя купюрами по пять.

– Вряд ли грабитель расценил это как счастье, – вставила я.

– Поначалу-то да, – согласился младший лейтенант, энергично прихлебывая кофе, и снова потянулся за шоколадкой. – Но потом включилась сигнализация, гражданин Кривоносенко снова спрятался в коробку, ну, чтоб там, в коробке-то, стало быть, шухер переждать. А наряд приехал с собачкой поисковой. И пришлось гражданину Кривоносенко, пятерики сожрать, чтобы при нем не нашли ничего. Мол, не брал он никаких денег в кассе, вы че, мужики? Просто шутку такую затеял, розыгрыш: спрятался в коробке, чтобы потом выскочить и напугать симпатичную продавщицу, да не заметил, как уснул.

– Смешная история, – оценила я.

– Обхохочешься… – Тут добрый Таганцев погрустнел немного. – Для всех, кроме ребят в лаборатории. Ты представь, в каком виде к ним вещдоки поступят, это я про купюры.

Таганцев погрустнел и с некоторым сомнением посмотрел на подтаявший шоколад. Поколебался немного, но все-таки съел еще дольку.

Я представила те полупереваренные вещдоки, и есть мне расхотелось. Поэтому я решила, что пора уже озвучить просьбу номер два, и с прозрачным намеком спросила:

– Константин Сергеевич, ты же на машине? Скажи, а тебе Коломенское не по пути будет?

– Подвезти? – легко догадался опер.

– Если это вас не очень затруднит, – пролепетала я, как положено.

Впрочем, кто его знает, как именно положено-то!.. Вроде так лепетала одна киса в сериале.

Сериал я смотрела месяца три назад, на больничном.

– Моя ласточка в твоем распоряжении.

«Ласточка» Константина Сергеевича, а точнее – «Ладочка», весьма почтенного возраста – была не без дерзости припаркована у самого входа в здание суда. Это оказалось очень кстати: пошел дождь, а у меня не было с собой зонта, да и туфли-балетки не располагали к прогулке по лужам.

Устроившись в салоне машины, я сразу же осмотрительно пристегнулась. Мне уже доводилось кататься с Таганцевым. К его манере вождения у меня не было претензий, но белый конь моего рыцаря неприятно запомнился мне болезненно взбрыкивающим мустангом. Надо полагать, у владельца автомобиля нет ни камней в почках, ни пломб в зубах…

– Куда конкретно едем? – Возложив руки на руль, Константин Сергеевич улыбнулся мне во все тридцать два прекрасных, давно не знавших бормашины зуба.

– Секундочку, – я полезла в сумку за файлом с договором, который утром взяла у Натки, но за день так и не успела изучить. – Вот адрес…

– Щас обеспечим. – Таганцев завел адрес в навигатор, и мы бодро двинули.

Через пару минут мой водитель осторожно поинтересовался:

– А зачем тебе, Елена Владимировна, в клинику красоты? Ты и без того очень даже…

Тут суровый опер покраснел и смутился.

– Ты мне льстишь, Константин Сергеевич, – вздохнула я. – Но я тут ни при чем! Моя сестра имела несчастье очень неудачно там прооперироваться, и я хочу выяснить, нельзя ли ей хотя бы деньги вернуть.

– А что в договоре?

– Ну, что…

Я вытащила бумаги из файла, на пластике которого весело плясали блики дорожных огней, и начала читать вслух:

– «ООО «Идеаль Бьюти», именуемое в дальнейшем «Исполнитель», в лице генерального директора Боброва Виктора Григорьевича, действующего на основании Устава, с одной стороны…

– Вот мне всегда было очень интересно, почему это судьи тарахтят, как пулеметы? Ну, вот как ты сейчас! – спросил Таганцев, терпеливо дождавшись, пока я закончу сеанс не слишком выразительной читки. – «Постановлением суда… Именем Российской Федерации… Руководствуясь статьями Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации… Суд постановил… Туда-сюда, всяко-разно…».

– Потому что нам приходится очень много читать по материалам дела – выдержки, определения. – Я пожала плечами. – А участники процесса все это уже наизусть знают, и их интересует только статья и мера наказания.

– Так вы, судьи, наверное, в скороговорках сильны. Да, Елена Владимировна? – оживился Таганцев. – На дворе трава, на траве дрова, и всякое такое?

– Тридцать три корабля лавировали, лавировали, да не вылавировали! – очередью выпулила я.

Константин Сергеевич восхищенно присвистнул и попытался повторить за мной, но его тридцать три корабля раз за разом терпели крушение. Потом мы вспомнили Сашу на шоссе, Греку через реку, Клару с кораллами – в общем, довольно весело скоротали дорогу до клиники.

Я опасалась, что она уже может быть закрыта, но напрасно: рядом с неоновой вывеской «Идеаль Бьюти» на фасаде выразительно светились цифры «24».

– У них тут круглосуточный прием? – восхитился Таганцев. – Ничего себе! Прям энтузиасты этого дела! Так я с вами, может? Меня силиконовые дела тоже страсть как интересуют! Ну, в смысле, как мужчину!.. Не, в смысле, посмотреть, туда-сюда…

Я хихикнула, вылезла из авто и отвесила доброму оперу поясной поклон:

– Большое тебе спасибо, Константин свет Сергеевич! Сама пойду, чего мы станем такой делегацией людей пугать. Мне про деньги спросить, и дело с концом. Уезжай, поздно уже, дома ждут, небось.

– Всегда пожалуйста, Елена Владимировна! – важно, в тон мне, ответил Таганцев, но с места не трогался, пока я не вошла в здание.

– Дилинь-дилинь! – нежно тренькнул колокольчик, возвещая о моем появлении.

Я вошла, огляделась и принюхалась.

Хрустальный звук растаял в воздухе, тонко ароматизированном чем-то очень приятным и совершенно не напоминающим о медицине. Ваниль? Пачули? Я не узнала запах, но оценила его гармоничное сочетание с элегантным интерьером: светлое открытое пространство, пастельные тона, напольное покрытие из натуральной древесины, классические диваны с кремовой обивкой, бледно-розовые кожаные кресла…

Тут я невольно опустила глаза, посмотрев на свои розовые балетки – шут их знает, из кожи они были когда-то сделаны или из дерматина, но выглядели явно хуже здешних кресел. Хорошо, хоть по лужам сегодня не таскалась, так что обувь у меня была относительно чистой. Мне не хотелось нарушать… сияние и чистоту приемной.

Машинально обойдя стороной лужу света, я по кривой подошла к ресепшн и улыбнулась милой девушке за стойкой:

– Добрый вечер. Могу ли я видеть Боброва Виктора Григорьевича?

– К сожалению, Виктора Григорьевича сейчас уже нет. А вы по какому вопросу?

– По юридическому, – ответила я уклончиво, раздумывая, не показать ли свое удостоверение.

Неэтично, конечно, хлопать корочками вне служебной надобности, но у Натки действительно серьезная проблема, хотелось бы ее решить…

– У юриста, к сожалению, рабочий день тоже уже закончился, но я могу пригласить к вам коммерческого директора, он как раз задержался в офисе, – предложила услужливая барышня.

– Приглашайте, – кивнула я.

– Присядьте, пожалуйста. – Холеной ручкой девушка указала мне на свободный диван.

На другом оживленно шушукались и хихикали, пялясь в экран дорогого смартфона, две дамочки в спортивных костюмах, цвет, фасон и стоимость которых не предполагали никаких физкультурных упражнений.

Дамочки явно были из числа пациенток клиники. У одной из них физиономия была припухшая и с остаточными следами синяков, лицо другой было затейливо разрисовано маркером. Я поняла, что первая дамочка уже благополучно прооперирована, а второй это сомнительное удовольствие предстоит в ближайшее время. Интересно, тут и оперируют двадцать четыре часа в сутки, даже ночью? Вот это конвейер!

– Верочка, Оленька, вот вы где!

Незаметно появившийся красавец-мужчина в белоснежном халате шутливо погрозил болтушкам пальцем и с улыбкой обратился ко мне:

– Добрый вечер! Владлен Сергеевич Потапов, к вашим услугам.

Я подавила порыв отрекомендоваться Леночкой, хотя Владлен Сергеевич взирал на меня так по-отечески ласково, что я невольно почувствовала себя милой неразумной крошкой. Вроде Верочки с Оленькой, которые вспорхнули с дивана и, продолжая хихикать и оглядываться на Потапова, удалились в лифт.

– Елена Владимировна Кузнецова, сестра одной вашей пациентки. – За отсутствием верительных грамот я протянула собеседнику Наткин договор с клиникой. – Хотела бы обсудить с вами…

– А, та самая Наталья Владимировна, – Владлен Сергеевич быстро нашел глазами в тексте ФИО моей сестрицы и перестал улыбаться. – Не угомонилась, стало быть.

– Послушайте, Владлен Сергеевич, – я тоже сменила тон. – Коль скоро вы в курсе, то должны понимать, что проблема действительно серьезная. Мою сестру в вашей клинике фактически изуродовали…

– И кто же в этом виноват? – перебил меня коммерческий директор. – Не сама ли Наталья Владимировна?

– В смысле? – Я несколько опешила.

Натка, конечно, сама втравила себя в историю, ее в эту клинику на аркане не тянули, но ведь за результат операции ответственность несет не она?

Оказалось – она.

– Некоторые косметические процедуры, тем более оперативные вмешательства, возможно производить только с определенной частотой, – холодно объяснил мне Владлен Сергеевич. – Попросту говоря, нельзя такие медицинские манипуляции повторять за короткие промежутки времени, потому что опасно, возрастает риск осложнений. В случае с новыми пациентами мы в клинике не располагаем всей полнотой информации о ранее проведенных им операциях и вынуждены полагаться на слова самих пациентов. Ваша сестра обратилась к нам впервые, заключила договор на проведение непростой процедуры – эндоскопической подтяжки средней зоны лица, а также увеличения губ и пластики век, однако не уведомила нас о том, каким вмешательствам челюстно-лицевого хирурга подвергалась ранее.

– А ее об этом спрашивали?

Владлен Сергеевич несколько надменно улыбнулся и пожал плечами:

– Судя по тому, что она подписала договор со всеми его пунктами и подпунктами, спрашивали. А может быть, и не спрашивали, но вот тут все написано, все!

– Моя сестра могла подписать не читая!

– Неужели? – коммерческий директор зубасто улыбнулся. – Тогда это был очень неразумный поступок с ее стороны. Однако несет ли наша клиника, как Исполнитель, ответственность за глупость и безрассудство Заказчика? Данный Договор, подписанный обеими сторонами, утверждает, что – нет. Если Наталья Владимировна скрыла от нас важную информацию о состоянии своего здоровья и обстоятельствах, способных негативно сказаться на результатах операции, это всецело ее вина. И тут, – Владлен Сергеевич постучал пальцем с безупречным маникюром по договору, – об этом написано.

– Очень мелким шрифтом, – пробормотала я, уже понимая, что ничего не добьюсь. Не видать Натке никаких денег!..

И все же я сделала еще одну попытку::

– Владлен Сергеевич, вот давайте чисто по-человечески, а?.. Для моей неразумной сестры случившееся – не только неожиданная проблема, но и большая личная трагедия. Она молодая женщина, ей нужно устраивать жизнь, а с таким лицом… Неужели столь респектабельная клиника не может пойти ей навстречу и вернуть хотя бы часть суммы? Там же большие деньги! Для нас… прямо очень большие.

Я словно видела себя со стороны – тетка средних лет в мятом костюме, старых туфлях, с безразмерной сумкой, голова немыта, маникюра нет, заискивающим голосом умоляет богача о пощаде!..

– «У вас так много денег, так почему бы вам не поделиться ими с нами?» – поддел меня собеседник.

Он по-прежнему демонстрировал красивые зубы, но уже не выглядел ни добродушным, ни заботливым, ни просто симпатичным. Как есть, акула капитализма!

– Ну, уж нет! Обойдетесь. – Владлен Сергеевич встал с дивана, одернул на себе безупречно сидящий халат: – Всего вам доброго, наилучшие пожелания вашей сестре!

И он направился к лифту, бросив на ходу:

– Витя, проводи!

Ранее не замеченный мной охранник выступил из-за колонны и с намеком встал у порога, открыв наружную дверь.

С трудом сдерживаясь, чтобы не нахамить, я протопала по сияющему полу к выходу, – пропадите пропадом эти балетки, выброшу, как только до дома доберусь! – выдворилась из царства красоты в темень дождливого майского вечера и встала на крыльце под издевательски подмигивающей вывеской «Идеаль Бьюти», держа над головой пластмассовый файл с кабальным договором.

Шел дождь. Холодные капли скользили по гладкому пластику, срывались с обвисшего файла и падали мне на плечи и за шиворот. Было мокро, зябко и очень обидно. Я ощутила, что на глазах вскипают слезы, но подавила горестный всхлип, услышав сигнал клаксона.

Через секунду в бликующую отсветами рекламы радужную лужу у крыльца заехал белый «жигуленок», и бодрый голос Константина Сергеевича Таганцева, дай бог ему здоровья и счастья, позвал меня:

– О, Елена Владимировна, ты еще тут? А я снова мимо ехал, дай, думаю, посмотрю…

– Костя, ты чистое золото! – перебила я, уже втискиваясь в теплое и сухое нутро машины.

– Чистым весом сто пять кило, – согласился Таганцев. – Золота, в смысле… Ну, а теперь куда?

– Теперь, если можно, домой, – попросила я. – Адрес помнишь?

Мой добрый ангел-опер молча кивнул и развернул машину, взяв курс на Митино.

– Ну, чего там, у энтузиастов красоты-то? Я честно рассказала, как меня послали, хоть и противно было, и получила порцию молчаливого сочувствия.

«Вернусь домой – убью сестру», – пообещала я себе, но вскоре переключилась на дочь.

Она позвонила, когда мы были на полпути к дому:

– Мам, ты скоро будешь?

– Минут через двадцать, – прикинула я. – А что?

– Я ухожу в кино, – сказала Сашка.

Заметьте: не спросила разрешения, а уведомила. Но я все же потянула паузу и правильно сделала: моя юная революционерка занервничала и сочла нужным дополнительно мотивировать свои действия:

– Заодно зайду в супермаркет, куплю хлеба и молока.

Это уже было похоже на попытку отпроситься, и я смилостивилась:

– Ладно, иди. А с кем ты?

– С Настей, – ответила Сашка и отключилась.

– Дочь, – пряча телефон, объяснила я Таганцеву. – Идет в кино с подругой.

Минут через пятнадцать у нашего подъезда я повторила совершенно с другой интонацией:

– Дочь… Идет в кино…

– С подругой? – осторожно уточнил опер, как и я, провожая взглядом удаляющуюся от подъезда парочку.

Одна из фигур совершенно определенно была Сашкиной, а вот вторая, вне всякого сомнения, являлась мужской. И притом на голову выше моей дочки. Это кто с ней вообще?!

– Сказала, с Настей. – Я нервно хрустнула пальцами.

– Настя – это, выходит, вон тот пацан, да? – не отстал пытливый Таганцев. – Не, по нынешнему времени всяко бывает! Может, он Серега, но чувствует себя Настей, это сейчас модно.

– Заткнись, лейтенант, – прошипела я. – Ты что, не понимаешь?! Мало того, что я не знаю, кто это в обнимку с ней, так ведь она мне врет еще!

– В ее возрасте это нормально, – попытался успокоить меня попавший под раздачу Константин Сергеевич. – Да не сверкай ты так глазами, Елена Владимировна! Че такое-то?! Все норм, девчонка в кино пошла! С парнем! И че?!

– Ниче, – пробормотала я, отстегивая ремень. – Ты вообще ни в чем не виноват, наоборот, так помог мне, спасибо тебе большое…

Не глядя на Таганцева, я выбралась из машины и прямо по лужам, не разбирая дороги, двинула к подъезду.

Дождь все лил.

Точно кого-нибудь сегодня убью.

Дверь мне открыл типичный голливудский ковбой – грабитель поездов на Диком Западе: в джинсах, в клетчатой рубашке и с платком на физиономии, по самые глаза. Этакий Клинт Иствуд.

– Не стой на пороге, заходи, пока меня никто не увидел, – нетерпеливо промычал он из-под платка голосом Натки, и я поняла, что моя сестрица нашла новый способ спрятать от мира свою впечатляющую физиономию.

– Тебе не хватает шляпы, кольта и взмыленного жеребца, – заметила я, сбрасывая подмокшие балетки.

– Жеребца в особенности, – охотно согласилась сестрица. – Но с моим новым лицом и надежд на него никаких. Лен, вот ты мне скажи, за что мне все это?! Почему я всю жизнь принимаю мучения?

– Я только что из клиники, из этой твоей бьюти-жути. – Я обошла мученицу и прошлепала в кухню.

За мной оставались мокрые следы.

Потом придется протирать, а у меня сил нет. Ну, нет у меня сил!..

– И чего они!? – Натка выбросила вперед руку с пультом, как будто с кольтом, и отключила звук работающего телевизора. – Обещали деньги вернуть?!

Я сложила два пальца – указательный и большой – в кривое колечко.

– Это ты что мне показываешь? – озадачилась сестрица. – Знак «О'кей» или ноль без палочки?

Я сложила пальцы в кукиш, сунула его сестре под нос и объяснила:

– Я показываю сейчас дырку от бублика, – и полезла в хлебницу – за бубликом, должно быть.

Там было пусто.

Я вспомнила, под каким благовидным предлогом удалилась «в кино с Настей» врушка Санька, и укорила Натку:

– Ты не сходила в магазин, а ведь я тебя просила!

– Какой мне сейчас магазин, ты в своем уме! Нет, ты соображаешь или нет?! Я вообще не могу сейчас на улицу выходить! И не знаю, когда смогу! Может, никогда! Никогда! – Она тяжело задышала, по всей видимости, собираясь зарыдать, но передумала. – Санька обещала купить хлеба и молока, а пока вон ешь суп с сухарями.

– Сухари не будут его единственным содержимым? – уточнила я, зная, какая моя младшая сестра чудо-хозяюшка.

Запросто может налить мне в тарелку пустого кипятка.

– Обижаешь! Там есть овощи из пакета! – Сестрица загремела посудой. – Итальянцы называют такой суп «Минестроне».

– Умеют красиво преподнести, – согласилась я, вооружаясь ложкой. – Так вот о красоте… у-ууу, а неплохой вышел супчик!

– Давай о красоте, – напомнила Натка.

Она села за стол напротив меня, подперла подбородок под платком кулачком и сделалась похожа на ковбоя, пригорюнившегося у барной стойки.

– Тебе голова для чего дана? Чтобы шляпу на ней носить? – спросила я.

– И прически сооружать, – кивнула Натка.

– А думать ею ты не пробовала? Почему не сказала в клинике, что уже делала что-то с лицом?

– Ой, да я все время что-то делаю с лицом!

– Так почему же не сказала?

– Потому что они могли отказаться меня оперировать!

– Вот горе-то было бы! – Я всплеснула руками, и ложка супа «Минестроне» досталась кактусу за моим плечом. – Сейчас у тебя и нормальное лицо имелось бы, и деньги!

– Ну, начинается…

Сестрица отвернулась от меня и выстрелила из пульта в телевизор, демонстративно вернув ему право голоса.

– Поприветствуем нашу гостью! – призвал с экрана ведущий.

Под его гладкой румяной физиономией нарисовались титры: «Антон Мелехов», а сверху торжественно, как бригантина, выплыл и завис в углу логотип телепрограммы «Скажем прямо». Потом крупный план сменился общим, чтобы показать, как к гостевому дивану шествует важно, в спокойствии чинном дама неопределенного возраста.

По походке, осанке и едва заметной скованности движений можно было предположить, что она уже достигла пенсионных лет, хотя нельзя было исключать вероятности того, что у тетеньки просто туфли неразношенные и платье на размер меньше, чем нужно. Видно было, что для визита на ТВ она нарядилась во все новое, красивое и дорогое.

Режиссер, командующий переключением камер, с садистским удовольствием подождал, пока гостья доберется до дивана, и дал крупный план как раз тогда, когда дама тяжело упала в

подушки и с облегчением выдохнула. Гримаса типа «уффф» ее не украсила, зато зрители шоу в полной мере осознали, какое это непростое дело – на телевидении гостить.

– Где-то я ее уже видела, – пробормотала я.

– Да где угодно! – фыркнула Натка. – Она уже с полгода по телешоу кочует и газетчикам интервью раздает.

– Ты же знаешь, что я не читаю газеты, мне некогда, и телевизор мы с Сашкой почти не включаем, потому что у меня на это нет времени, а у подрастающего поколения нынче модно «зомбоящик» презирать, – напомнила я, присматриваясь к героине программы.

– Эл-л-леонор-р-ра Сушкина! – раскатистым голосом циркового распорядителя возвестил Антон Мелехов.

– Да ладно? Та самая? – Мне стало весело. Пасьянс сложился!

– А, так ты ее все-таки знаешь, – заметила Натка. – Смотрела?

– Судила! Это та самая тетенька, которая в прошлом году вчинила иск косметической клинике, не оправдавшей ее смелые ожидания. – Я положила ложку и уставилась на экран. – Я тогда вынесла решение в пользу клиники, потому что хирург сделал свою работу честно и добросовестно, но он заведомо не мог омолодить мадам на сорок лет, это пока за гранью возможностей современной медицины.

– Я бы поспорила насчет добросовестной работы хирурга, – возразила Натка. – У мадам один глаз больше другого, несимметричные скулы и брови разной высоты и кривизны!

– Кстати, это очень странно, потому что в прошлом году на суде у нее было совсем другое лицо, – сказала я. – То есть не то чтобы другое, просто никакое не кривое. Может, дама еще в какую-то клинику неудачно сходила? В эту твою бьюти-жути, например?

– Случай Элеоноры Константиновны Сушкиной доказывает справедливость старой истины «Красота требует жертв»! Правота ее налицо, вернее, на лице! – радостно заявил телеведущий и оскалился, беззвучно хихикая над избитым каламбуром.

Дрессированные зрители в студии ответили дружным смехом. Элеонора Сушкина изобразила страдание, опустив уголки рта так, что они образовали перевернутую скобку.

– Год назад нашей гостье сделали операцию в столичной клинике «Эстет Идеаль», – продолжил ведущий.

– А, нет, смотри-ка, это все та же история! – удивилась я. – С чего же наша мадам так подурнела-то, непонятно?

– Ой, Ленка, наивная ты душа! – захихикала Натка. – Ну, посмотри же ты внимательно! Я вот уже разглядела: нормально все у тетеньки с лицом, оно ничуть не кривое, над ним просто гример основательно поработал. Гляди, гляди, вот в этом ракурсе на приближении ясно видно, что у нее глаза совсем по-разному накрашены, потому и кажутся разнокалиберными.

– Да ладно! Быть не может! То есть, эта самая Элеонора Константиновна специально для телешоу нарисовала себе такое лицо, чтобы показать плохую работу хирурга? Но так же нечестно! – возмутилась я. – Теперь я понимаю, почему эта история получила продолжение.

– Какое? – заинтересовалась Натка.

– Мне сегодня новое дело дали – столичная клиника «Эстет Идеаль» будет судиться с гражданкой Сушкиной Э Ка. Иск о защите деловой репутации, – ответила я, возвращаясь к супчику. – Судя по материалам, Элеонора несколько месяцев поливала «Эстет Идеаль» грязью в соцсетях, на страницах газет и в телешоу, причем рассказывала небылицы и откровенно привирала. И вот терпение администрации клиники закончилось.

– А это та самая клиника, которую ты мне рекомендовала? Что-то я сомневаюсь…

– А ты не сомневайся. – Я быстро дохлебала подостывший суп. – Просто сходи на консультацию к профессору Васильеву, я ему позвоню и договорюсь, он тебя посмотрит и честно скажет, что, как и почем. Только, я тебя умоляю, не ври Михаилу Андреевичу, не дури и не хитри, тебе же надо исправить беду, а не усугубить ее.

– Не волнуйся, Чингачгук два раза на одни грабли не наступает, – заверила меня сестрица.

– Вот, кстати, о хитростях. – Я отодвинула пустую тарелку и пристально посмотрела сестре в глаза.

Их, правда, для этого еще пришлось поискать среди бугров и теней того марсианского ландшафта, в который превратилось лицо Натки. Но я ориентировалась на верхний край ковбойского платка, поэтому сумела найти своим строгим взглядом чьи-то бесстыжие зенки.

– Кто сегодня повел в кино мою юную дочь?

– Да… Подруга вроде… – Натка отвела глаза, но даже по тону было ясно, что она врет.

– Ну, если эта подруга – трансвестит ростом примерно метр восемьдесят…

– Ты что, их у подъезда застукала, что ли?

– Как раз подъехала, когда они выходили.

– Ну, мальчик у нее, да! И что тебе не нравится? Высокий, красивый, спокойный – характер нордический…

– Откуда ты знаешь, что он спокойный?

Мне стало обидно, что я, родная мать, совершенно ничего не знаю о кавалере дочери, а Натка уже даже составила его психологический портрет.

– Ну, он не упал в обморок, когда увидел меня! – объяснила сестрица. – Я же не знала, что это он, я думала – это ты пришла, вот и пошла открывать дверь без всякой маскировки. Впредь буду осторожнее…

– И как зовут этого настоящего арийца? – перебила я. – Только не говори, что Настя!

– Ну, Санька нас официально не представила, выпалила скороговоркой что-то вроде: «Привет, Фомка, что так долго, мы уже опаздываем!» – и унеслась прочь, утащив парня за собой, как торнадо – домик девочки Элли из Канзаса, – ответила Натка.

Я поняла, что сравнение ей навеял собственный ковбойский образ и не стала продолжать допрос свидетеля. Хотя меня встревожило странное прозвище Сашкиного кавалера.

Фомка – это, на минуточку, классическое орудие взломщика! С кем связалась моя юная протестантка?!

– Сделай потише, – я неприязненно покосилась на экран, где Антон Мелехов проникновенным сочувственным голосом расспрашивал Элеонору Сушкину о ее злоключениях и страданиях.

Сестра осталась досматривать телешоу, тема которого по понятным причинам живо и мучительно ее интересовала, а я ушла в спальню, легла на кровать, обложилась бумагами и принялась читать.

Сашка вернулась в двенадцатом часу. К этому времени Натка в сине-зеленой, как у Джима Керри в одноименном кино, глянцевой маске уже тихо посапывала на своей половине кровати. Я не хотела ее будить (не из гуманизма, а чтобы моя блудная дочь в лице тети не получила ненужной поддержки), поэтому вышла из спальни на цыпочках и встретила Сашку в гостиной. Как раз успела встать в классическую позу для исполнения миниатюры «Немой укор»: руки скрещены на груди, голова чуть набок и еще сокрушенно покачивается, носочек правой ноги размеренно притопывает, в глазах – всполохи молний, на лице – вся мировая скорбь.

Я, если нужно, и не такое умею. У нас при юрфаке был свой театральный кружок.

– А-ааа, ты еще не спишь, – уныло пробормотала Сашка, явно намеревавшаяся прошмыгнуть к себе потихоньку.

– Уснешь тут! – глубоким грудным голосом молвила я.

– Ну, не начинай!

Дочь развернулась и пошла в кухню. Формально – для того, чтобы оставить там принесенные продукты, а на самом деле – чтобы избежать нежелательного ей развития сюжета.

– Сейчас всего лишь двадцать три двадцать пять, это детское время, – услышала я.

– А у тебя помада размазана, – констатировала я, облокотившись плечом о кухонную дверь.

Это прозвучало как знаменитое киношное: «А у вас ус отклеился».

– Я ела пиццу и пила колу. – Сашка ладошкой стерла с губ остатки алой краски.

– И откуда такая помада? – спросила я. И тут же отменила запрос: – Впрочем, можешь не отвечать, я догадываюсь, кто помог тебе с боевой раскраской в диком западном стиле. – Я оглянулась на дверь, за которой предположительно спала Натка. Звонкий топот босых пяток и скрип кровати доложили мне: нет, не спала.

– Что за кавалер? Откуда он? Что это за имя – Фомка? Он что, малолетний преступник?! Действует фомкой?.. – бомбила я дочь вопросами.

– Мам, ты совсем уже? – непочтительная дочь покрутила пальцем у виска. – Какой еще… малолетний преступник?! Фомка – это Фома Горохов из девятого «А». Отличник, между прочим, и пловец-разрядник.

– Понятно, понятно, – пробормотала я желчно. – Фома Горохов – это… концептуально. Родители у него шутники, должно быть.

Было очень обидно, что родная и единственная дочь не разделила со мной такой важный момент, как появление у нее первого кавалера. Сопливый Васька Бегунов из средней группы детского сада, по-моему, был не в счет.

– Родители? – Санька смущенно порозовела. – Не знаю я его родителей, мы просто… в кино сходили, мам!

Чтобы скрыть от меня свое зардевшееся лицо, она полезла в холодильник, вытащила оттуда только что поставленное на полку молоко, налила себе полный стакан и принялась его пить, шумно хлюпая и формируя белые усы над губой.

Я растрогалась и мысленно надавала себе оплеух. Деликатнее надо быть, мать, все психологи говорят, что подростки – существа достаточно хрупкие и легко ранимые!

– Чтобы в ближайшее время представила семье этого Фому Горохова, – сказала я, уходя в спальню. – Узнай, что он любит, – торт или бутерброд с колбасой, я куплю.

Сашка фыркнула в свое молоко, но возражать не стала.

Значит, не все еще потеряно, доверительные отношения с подрастающим поколением не разрушены, успокаивая себя, решила я.

Правильный тортик – это лучшая на свете дипломатия.

Глава вторая

Мой рабочий день опять начался со встречи с Плевакиным. Это уже походило на традицию, которая мне не нравилась. Я предпочитаю видеться с начальством пореже, и ни в коем случае натощак.

Позавтракать дома мне не довелось. Сашка с утра допила молоко, а Натка ночью проснулась и на нервах слопала весь батон, вымазав на него остатки варенья. После этого в моем утреннем меню могло быть лишь одно блюдо – овсянка на воде, а ее мне совсем не хотелось, и пришлось идти голодной.

– Делай, что хочешь, но в доме должна появиться еда! – строго сказала я сестрице перед уходом на работу. – В конце концов, это ты у нас сейчас домохозяйка, так что вопросы нашего питания полностью на тебе.

– А деньги на продукты?

– А вот этот вопрос на мне.

Я вздохнула, но больше по привычке, чем в расстроенных чувствах: был день зарплаты, и перспектива ее получения меня бодрила.

Накуплю продуктов, заправлю «Хонду», буду ездить на работу на машине, а это значит – смогу подольше спать по утрам…

– Здравствуй, здравствуй, Елена Владимировна! Как дела? – перебил мои светлые мечты Плевакин.

Он стоял в коридоре, заложив руки за спину, покачивался с пятки на носок и тем самым выжимал писклявый скрип из старого паркета.

Знаете, когда председатель суда спрашивает судью, как дела, это не риторический вопрос и не форма приветствия. И даже не вызов на рэперский баттл, как можно было бы подумать, глядя на танцевальные телодвижения Анатолия Эммануиловича.

«Как, Елена, дела? – Они как сажа бела! Не ела и не пила, прилетела без помела…»

Я тряхнула головой, выкидывая из нее рифмованные строчки, и вежливо спросила:

– Какое именно из моих дел вас интересует, Анатолий Эммануилович?

– То, из-за которого мне уже всю плешь проели! – ответил Плевакин и похлопал себя ладонью по темени.

– А кто вам ее проел? – кротко уточнила я. Тут само собой напрашивалось эмоциональное: «Моль белая!» – но Анатолий Эммануилович ответил по-другому, хотя и с должной экспрессией:

– Да борзописцы проклятые!

– Журналисты? – догадалась я. – Тогда, значит, речь об иске клиники «Эстет Идеаль» к гражданке Сушкиной?

– Молодец, соображаешь, голова работает. Тут Плевакин зачем-то оглядел меня с этой самой головы до ног и как-то безрадостно цокнул языком.

– Что? – напряглась я.

– А то, что раз ты у нас такая сообразительная, то выйдешь со мной сегодня к прессе, – «обрадовал» меня шеф. – В одиннадцать ровно на парадном крыльце, будь готова, я пришлю за тобой Верочку.

– За что?! – простонала я, но Плевакин уже двигался дальше по коридору.

– Дима, посмотри на меня! – потребовала я, шагнув в предбанник своего кабинета.

– Здравствуйте, Елена Владимировна, смотрю, любуюсь! – галантно молвил мой безупречный помощник.

– Скажи, меня можно выпускать к журналистам?

– Смотря с какой целью.

– Сама не знаю. А какие варианты?

Я прошла к себе и уже оттуда раздраженно договорила:

– Плевакин сказал – в одиннадцать мы с ним должны выйти на крыльцо к журналистам. Уж не знаю, будем им ручками махать, как принимающие парад, или, наоборот, кланяться…

– А, так это будет пресс-подход, для которого Верочка вчера вечером спешно речь писала. Плевакина сверху жестко наклонили, обязали сотрудничать с масс-медиа, потому что дело «Эстет Идеаль» против гражданки Сушкиной очень резонансное. Но вам-то никаких заявлений делать не придется, Анатолий Эммануилович вас просто представит, – волшебным образом разъяснил все мой собственный Гарри Поттер.

– Тогда не страшно, да? – не вполне уверенно рассудила я.

Смущало меня все-таки плевакинское огорченное цоканье. Таким звуком запасливая белка могла бы приветствовать гнилой орех.

– Конечно, не страшно… Можно? – Дима вошел и поставил передо мной на стол чашку кофе. – Но вы все-таки наденьте свою фрачную пару.

Этим сочетанием слов я ласково называю французский костюм-двойку, который украшает собой внутренний мир неказистого шкафа-пенала. Он совмещает у нас функции гардероба, посудного серванта и сейфа. И, кстати, ласково именуется «гробиком». Похороненный в нем «на всякий пожарный случай» костюм за полгода не пригодился мне ни разу.

«Стало быть, добрый Дима меня успокаивает, а случай действительно пожарный», – опасливо подумала я.

И капнула в кофе коньяку – он тоже был спрятан в «гробике».

Потом я немного поработала и даже успела провести одно слушание, но мысль о предстоящем выходе к прессе меня изрядно угнетала, так что, боюсь, я была недостаточно внимательна и излишне строга.

Без пяти одиннадцать в предбаннике у Димы вкрадчиво скрипнула приоткрытая дверь, и тревожным звоночком прозвенел нежный голос:

– Готова?

Мой помощник определенно мужского пола, так что Верочка точно спрашивала обо мне. И Дима уверенно ответил:

– Елена Владимировна готова всегда и ко всему.

Тут я едва не прослезилась. Было очень приятно, что мой идеальный помощник так верит в свою начальницу, хотя у меня имелось свеженькое доказательство собственной ущербности.

Две минуты назад от меня вышла моя мудрая коллега и лучшая подруга Машка. Я вызвонила ее в панике, обнаружив, что на вешалке с моей фрачной парой нет никакой блузки. В свое время я просто забыла укомплектовать парадный костюм этой важной вещью!

Меж тем коварные французы скроили элегантный строгий пиджак так, что верхняя пуговка приходилась на линию талии, и это не позволяло надеть его на голое тело. Вся строгая французская элегантность пропадала бесследно, а скромный белорусский бюстгальтер, наоборот, становился виден. Сатиновая же рубашечка в милый сельский цветочек, в которой я пришла сегодня на работу, к фрачной паре решительно не подходила.

– Спокойно, без паники! – выслушав меня по телефону, сказала подружка и очень скоро пришла меня спасать.

У Машки вообще очень хорошо получается разруливать сложные ситуации по линии жизни и быта. В прошлом году, когда я позорно пасовала перед неизбежным переездом на новую квартиру, она в два счета организовала машину, грузчиков и сам процесс транспортировки моего скарба из пункта А в пункт Б. При этом выглядело все так, словно вещи сами построились и зашагали ровными рядами, как в истории про Федорино горе.

– Горюшко ты мое! – вздохнула Машка, явившись ко мне в кабинет с английскими булавками в горсти левой руки и с белым полотнищем в кулаке правой.

– Мы сдаемся? – уныло пошутила я, демонстрируя готовность выбросить белый флаг.

– Да никогда! – ответила победоносная Машка. – Стой ровно, не сутулься! Так… Так… Отлично! Это именно то, что нужно. – И она отступила, любуясь делом рук своих.

– Это простая льняная салфетка, – с легким (легоньким таким) сомнением напомнила я.

– А смотрится как благородная льняная блузка с V-образным вырезом, – парировала подруга и снова шагнула ко мне. – Дай-ка я еще вот тут булавочкой закреплю… Ну, красота же?

И она громогласно позвала:

– Дим, загляни, оцени!

Дима бросил воспитанно-оценивающий взгляд и уверенно резюмировал:

– Елена Владимировна, да вы просто английская королева!

– Та, которая уже совсем старенькая? – расстроилась я. – Древняя бабушка Виктория?

Что ж такое-то, хоть тоже в клинику за былой красой и молодостью беги!

– Как королева Виктория в ее лучшие годы, – ловко вывернулся помощник. – Являете собой чистый образец хорошего вкуса и элегантности.

– Вкуса – это да, – пробормотала я, не забывая, что под пиджаком у меня салфетка.

Уж она-то много вкусов повидала, надо думать.

– Все, я побежала, мне людей судить нужно, поди, заждался народ приговоров-то, – заторопилась Машка. – А ты держи спину ровно и не дергайся, чтобы булавки не выскочили. Потом расскажешь, как все прошло.

Появившаяся вскоре после подруги-спасительницы секретарь Верочка, оглядев меня со смесью одобрения и сочувствия, кивнула: «Прекрасно!» – и повела нас на лобное место.

В холле у партизанской щелочки с ограниченным видом на высокое парадное крыльцо выжидательно топтался Плевакин.

Он тоже прихорошился: перевязал галстук, начесал скальп и еще залакировал его, надежно спрятав плешь.

– Готова, Елена Прекрасная? – оглянувшись на меня, расцветкой и кротостью схожую с сизой голубицей, спросил Анатолий Эммануилович. – Ну, с богом!

И он самолично распахнул перед нами массивную резную дверь.

Что вам сказать?

Я время от времени пишу статьи для «Вестника РГГУ» и на этом основании считаю, что если и не дружу, то хотя бы приятельствую с журналистикой. Но моя лига – это тихие кабинетные писаки, перелопачивающие горы материала, чтобы с полной ответственностью выдать один абзац текста.

Репортеры, которые строчат пространные сенсационные статьи на коленке, это какой-то другой вид разумной жизни. Деловитые, целеустремленные и назойливые, в массе своей они похожи на насекомых, многие из которых ядовиты. И при этом показывают прекрасный образец самоорганизующейся системы. К примеру, на этом пресс-подходе не было никакого распорядителя, однако к моменту нашего с Плевакиным появления толпа репортеров уже встала в боевое построение.

Представители СМИ охватили крыльцо плотной квадратной скобкой, пропустив вперед операторов с видеокамерами. Те стояли за суставчатыми штативами с аппаратурой, как за пулеметами, а у их ног, опустившись ниже объективов, сидели на корточках фотографы. Девочки-журналистки с прекрасными и грозными лицами валькирий подняли, как мечи, микрофоны, и подобием потрепанных флагов зашелестели на ветру мохнатые насадки, защищающие чувствительную звукозаписывающую аппаратуру.

Одна такая серая меховая муфта, похожая на крайне крупную и очень дохлую крысу, выехала на длинной штанге к самому лицу Плевакина. Я спряталась за его спину, но Анатолий Эммануилович сделал шаг в сторону, отодвинувшись от крысы и открыв меня. Крыса поплыла за ним, я сделала над собой усилие и осталась на месте.

Верочка закрыла за нами дверь, и глухой стук, с которым створка встретилась с косяком, прозвучал как сигнал стартового пистолета.

До сих пор я сталкивалась с сокрушительным и агрессивным журналистским любопытством только в зале суда, где была облечена властью и могла призвать публику к порядку. Теперь, на высоком крыльце, как на эшафоте, вознесенная над толпой, я ощущала себя приговоренной к экзекуции.

Успокаивало лишь то, что присутствующий тут же Плевакин не выступал в роли палача, а был моим товарищем по несчастью. Причем старшим товарищем – и по возрасту, и по должности. Так что и отдуваться пришлось ему, а не мне, слава богу.

У меня бы так хорошо не получилось.

Учиться мне еще и учиться!

Многоопытный Анатолий Эммануилович был конкретен и краток.

– Добрый день, уважаемые представители СМИ! – громко приветствовал он собравшихся, заглушая возбужденные голоса. – Я уполномочен заявить вам, что процесс по делу, которое всех вас интересует, будет ускорен и продлится всего один месяц. В первую неделю состоятся собеседования со сторонами и будут назначены слушания. На второй неделе начнется суд, на третьей пройдут допросы всех свидетелей и будут предоставлены и изучены доказательства. На этот раз никто не сможет пожаловаться на волокиту и бюрократию, уверяю вас, их не будет вовсе. Кого особенно волнует этот процесс, готовьтесь ходить к нам сюда, как на работу, потому что дело будет слушаться с девяти утра до девяти вечера. И всего через четыре недели назначенный опытный судья – Елена Владимировна Кузнецова, вот она, прошу любить и жаловать! – озвучит решение суда. Благодарю вас за внимание, на этом у меня все. Остальные вопросы вы можете задавать пресс-секретарю нашего суда. Именно она будет вас информировать и давать комментарии по проходящему процессу. Не буду отнимать ее хлеб и зарплату. Ха-ха.

Я даже не успела как следует разволноваться, когда на словах «вот она» все фотоаппараты и видеокамеры проследили за указующим перстом Анатолия Эммануиловича и хищно уставились на меня. Только и смогла, что бледно улыбнуться, хотя еще подумала – может, надо ножкой шаркнуть или ручкой помахать, как пингвин в мультике?

К счастью, мое сольное выступление не было предусмотрено программой. Эта часть предназначалась недавно назначенной сотруднице пресс-службы, появившейся в штатном расписании всех районных судов столицы. Плевакин по-военному коротко кивнул гомонящим журналистам и глазами указал мне на дверь. Она сама собой открылась, и я юркнула в холл, как мышка в норку. Председатель суда выдвинулся вслед за мной, помог хлопотливой Верочке плотно закрыть входную дверь и неожиданно залихватски подмигнул (хотя, возможно, это у него был нервный тик):

– А, как мы их? Раз, раз – и в дамки!

– Анатолий Эммануилович, вы были великолепны! – восторженно выдохнула Веруня, и я в кои-то веки была полностью согласна с этой оценкой.

Испуг запоздало накрыл меня уже в собственном кабинете, на финишной прямой к рабочему месту. Я почувствовала, как пересохло во рту, ноги вдруг сделались ватными. Кое-как доковыляв до стола, я тяжело опустилась на стул и закрыла глаза.

Ох, какая же непростая у меня работа…

Динь! – звякнула эсэмэска.

Я слепо нащупала мобильник, посмотрела на экран и возрадовалась: пришла зарплата.

Редкий случай, когда награда нашла героя так своевременно.

– Непременно куплю нынче тортик, – пообещала я сама себе.

Ровно в полдень – уж так получилось – в полный света, воздуха, больших надежд и заманчивых обещаний холл клиники «Идеаль Бьюти» вошел подтянутый молодой мужчина с таким симпатичным открытым лицом, какое бывает только у глубоко законспирированных суперагентов в мегакассовых голливудских фильмах.

Парень выглядел добродушным простаком, и младший администратор Алла немедленно насторожилась.

Кроткие лопушки в клинику «Идеаль Бьюти» не захаживали. Последний визитер такого типа оказался пожарным инспектором.

– Добрый день, – приветливо сказала Алла, незаметно взглянув на часы: была уже одна минута первого.

По утвержденному в клинике протоколу, до 12:00 дежурной следовало приветствовать входящих словами «Доброе утро», затем допускались вариации «Добрый день» и «Здравствуйте», одобренные к употреблению вплоть до 17:00. Потом наступал черед безальтернативного «Добрый вечер».

– Чем я могу вам помочь? – на долгой, как послевкусие хорошего выдержанного коньяка, улыбке проговорила Алла.

Добродушный простак выглядел человеком, которому нужно помочь информацией. Однако многоопытная Алла все же не исключала вариант, что делиться с ним придется чем-то более материальным, как в случае с пожарным инспектором.

Поскольку подкуп лиц при исполнении и откуп от них же находились вне ее компетенции, девушка незаметно нажала нужную кнопочку на служебном мобильном.

При этом в бэк-офисе, расположенном на третьем этаже клиники, служебный телефон дежурного менеджера порадовал его и коллег песенкой, установленной специально на такой случай: «Мы к вам заехали на ча-ас! Привет, бонжур, хэлло! А ну, скорей любите на-ас – вам крупно повезло!».

– Надеюсь, на этот раз не так крупно, как с пожарным инспектором, – озабоченно пробормотал коммерческий директор Владлен Сергеевич Потапов, которого лихая песня Бременских музыкантов оторвала от вдумчивого изучения плана продаж.

Персональный кабинет Владлена Сергеевича был отгорожен от просторного общего помещения в модном стиле «опен спейс» стеклянными стенами, имеющими сугубо символический характер: сквозь них все было и видно, и слышно.

– Петя, сиди, я сам, – выйдя из своего аквариума, Потапов жестом приземлил на стул вскинувшегося было по тревоге дежурного менеджера и направился к лифту.

Тем временем подозрительный добродушный простак непринужденно облокотился на стойку рецепции и послал Алле мягкую застенчивую улыбку и ответный вопрос:

– Мне хотелось бы пройти у вас какую-нибудь процедуру. Что вы мне посоветуете?

«Нет, это не инспектор, – подумала Алла, которая в ожидании менеджера и прояснения ситуации старательно излучала ровное, но сдержанное, в полнакала, гостеприимство. – Скорее, тайный покупатель или специалист по контрольным закупкам».

По опыту Аллы, нормальные клиенты были гораздо более конкретны в своих пожеланиях. Как правило, они приходили подготовленными, будучи уже в курсе всего спектра услуг (широкого) и цен (высоких). Сайт клиники «Идеаль Бьюти» был не только красивым, но и информативным.

Кроме того, расплывчатое пожелание «пройти какую-нибудь процедуру» звучало совершенно не по-мужски – так могла выразиться скучающая богатая дамочка, перепробовавшая все на свете и решительно не знающая, на что бы еще спустить денег.

Ни на такую, ни на какую-либо другую светскую львицу гость ни в коем случае не походил.

– Я вам посоветую побеседовать с компетентным специалистом, – по-прежнему на улыбке ответила Алла и плавно повела рукой, переадресуя внимание гостя вовремя появившемуся Владлену Сергеевичу.

Тот повторил ее жест, указав на мягкий диван:

– Присядем?

Константин Сергеевич Таганцев, выступающий в роли добродушного простака, проглотил неуместную киношную реплику «Спокойно, сядем усе!» и послушно совместил свое собственное мягкое место с диванным.

Владлен Сергеевич Потапов тоже присел и окинул собеседника быстрым взором, призванным оценить его состоятельность по внешним признакам.

Приятный молодой человек выглядел не вычурно без претензий, но в популярном стиле «кэжуал» одет и обут в добротную продукцию спортивных марок средней ценовой категории.

В свете модного у продвинутых супербогачей тренда, начало которому положил любитель незамысловатых джинсов, маек и свитеров Стив Джобс, это мало о чем говорило. Добродушный простак мог оказаться как демократичным миллионером, так и рачительным завсегдатаем стоков и сезонных распродаж. А часов и ювелирных изделий, которые послужили бы верным маркером, он не носил.

Сквозь большое витринное стекло Владлен Сергеевич окинул пытливым взором стоянку у входа в клинику. Три припаркованных на ней «Мерседеса», два «BMW», «Ламборгини», пару заурядных «Ауди» и один «Джип» коммерческий директор клиники буквально знал в лицо – это были машины клиентов, готовящихся к операциям и сотрудников медучреждения. Незнакомых автомобилей на стоянке не наблюдалось, следовательно, простодушный юноша прибыл на такси или даже вовсе на общественном транспорте.

Хотя не исключалась вероятность того, что его доставил личный автомобиль с водителем, временно удалившийся за пределы видимости до звонка хозяина. Среди пациентов встречались и такие, кто не хотел афишировать свои визиты в клинику.

Кроме того, Владлена Сергеевича сбивал с толку тот факт, что непонятный молодой человек явился в клинику в середине буднего дня – это вроде бы выдавало в нем счастливца, живущего по свободному расписанию.

На первый взгляд, загадочный визитер не нуждался в услугах специалистов-косметологов и хирургов-пластиков. Его черты были правильными, а кожа свежей, здоровой, в нужных местах румяной, покрытой естественным загаром, тон которого, однако, был слишком легок для того, чтобы опытный глаз смог определить, в каких широтах он приобретен.

Владлен Сергеевич был почти уверен, что этого лица еще никогда не касалась рука косметолога. Однако и среди клиентов, обращающихся в клинику впервые, встречались очень разные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.